

Ю.В. Францифоров*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Аннотация: Предметом исследования являются теоретические источники, отражающие сущность толкования уголовно-процессуальных норм, конкретизирующие процедуру и результат толкования, а также законодательные акты, регламентирующие уголовно-процессуальные отношения, вызывающие трудности в правоприменении, образующие неясности и противоречия, обусловленные необходимостью толкования. В настоящее время, несмотря на подробную регламентацию уголовно-процессуальных отношений, УПК РФ не представляет собой всеобъемлющего акта, который отличался бы логической завершенностью, с тем, чтобы достаточно полно охватить все сферы деятельности уголовного судопроизводства. В УПК имеются как внутрисистемные, так и межсистемные противоречия, а также пробелы, которые разрешаются с помощью различных способов, средств и форм, среди которых первостепенное значение отводится толкованию уголовно-процессуального закона, направленному на уяснение его содержания и установление выраженной в нем воли законодателя. В ходе исследования использовались общенаучные положения диалектики в отношении общего, частного и особенного, а также методы познания – анализ и синтез, формально-логический и историко-правовой. Научная новизна определяется выявлением проблемы, имеющей важное значение для уголовного судопроизводства, использованием новых подходов к ее решению. Опыт, накопленный дореволюционными юристами-процессуалистами, и успешно использованный при подготовке Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в том числе УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 года, а также УПК РФ в настоящей редакции продолжает служить России в деле совершенствования уголовно-процессуального законодательства, толкование которого может быть успешным лишь при условии, что оно соответствует его назначению.

Ключевые слова: проблема толкования, нормативно-правовые акты, исторические периоды, Устав уголовного судопроизводства, правоприменительная деятельность, межсистемные противоречия, пробелы, регламентация правоотношений, уголовно-процессуальное законодательство, судебное толкование.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11236

Проблема толкования нормативно-правовых актов берет начало с времен истории Древнего Рима, выступая в качестве такой задачи, решением которой властвующие лица обеспечивали проведение своей воли, наделяя правом разъяснения законов строго определенных деятелей специально-государственного сословия – истолкователей (interpretos). В отдельных авторитарных государствах право толковать законы было предоставлено лишь одному лицу – императору. Так, император Юстиниан запрещал всем, кроме себя, толковать законы. Вместе с тем, процесс толкования нормативно-правовых актов обусловлен необходимостью активизации правоприменительной деятельности, что являлось актуальным как в прошлые исторические периоды, так и в настоящее время.

Несмотря на существующую потребность толкования правовых норм, вызванную пробелами и противоречиями самого законодательства, отношение к нему в разные исторические периоды было неоднозначным.

Так 18 век, в лице представителей выдвинутого им гуманизма, восставший против господствовавшего тогда правительственного и судебного произвола и желавший подчинить граждан исключительно закону, отнесся к праву судебного толкования отрицательно¹. По мнению Ч.Беккарио, судьи не имеют права толкования уголовных законов уже потому, что они – не законодатели... Истинным толкователем законов может быть только монарх, предста-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 161.

© Францифоров Юрий Викторович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия [Franciforov@mail.ru] 410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135.

витель действительной воли всех граждан, но не судья, единственная обязанность которого состоит в исследовании совершенного лицом деяния, запрещенного законом. Нет ничего опаснее распространенного мнения, будто бы законы должны быть применяемы по их общему духу. Принять его – значит предоставить законы потоку произвола, поскольку у каждого есть свой взгляд на вещи, даже один и тот же человек в разное время имеет разные взгляды на тот же предмет, которые различаются под влиянием дурных или хороших логических способностей судьи, приятного или угнетенного расположения духа².

По мнению графа М.М. Сперанского, осуществившего в 1832 г. обширную кодификацию законодательства путем издания в 1832 г. Свода законов Российской империи, даже в юридических школах требуется чтение права не иначе как по системе и тексту Свода законов, что позволило бы изгнать из деятельности судебных установлений обманчивое непостоянство самопроизвольных толкований³.

Более прогрессивными были идеи профессора А.Д. Градовского, утверждавшего, что основа судебного толкования закона в необходимости немедленного охранения и восстановления нарушенных прав; запрещение судебного толкования приводило бы к отсрочке правосудия на более или менее значительное время⁴.

Как справедливо замечал профессор И.Я. Фойницкий, судебное толкование сводится к разрешению таких вопросов: существует ли конкретная норма, и касается ли она решения данного случая? А поскольку суд не творит юридических норм, а применяет нормы готовые, другим органом созданные, то его деятельность, связанная с толкованием и применением правовой нормы носит творческий характер; орган применения закона суд, сам должен знать законы (*iura novit curia*) – это основное правило толкования⁵.

Уголовно-процессуальное законодательство того исторического периода устанавливало право и обязанность применения закона для всех российских судов без различия их инстанций и подчиненности, а также определяло равенство судов в отношении права толкования.

По мнению профессора И.Я. Фойницкого, все судебные установления имеют право толкования в одинаковом объеме; окончательные решения каждого судебного установления имеют одинаковую силу, а все судебные места по силе толкования законов равны между собой⁶.

Это утверждение подтверждалось требованием ст. 930 и 933 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., устанавливающих возможность толкования Сенатом и Кассационным Департаментом принятых решений.

Введение в правовую систему Устава уголовного судопроизводства 1864 года позволило урегулировать вопросы статуса судебной власти, которая признавалась самостоятельной и подчиненной только закону.

Среди известных ученых того периода, посвятившего значительное количество работ проблемам уголовного процесса, следует выделить профессора И.Я. Фойницкого, который раскрыл сущность, условия, виды, объем и значение судебного толкования, иницируя деятельность судебных органов в соответствии с правилами толкования установленные Уставом уголовного судопроизводства 1864 года.

В дореволюционной России проблемам толкования (интерпретации) правовых норм уделяли внимание также такие ученые-правоведы, как Е.В. Васильковский, П.И. Люблинский, Л.А. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич⁷.

Исследуя проблемы толкования норм уголовно-процессуального закона, необходимо заметить, что в настоящее время, несмотря на подробную регламентацию уголовно-процессуальных отношений, УПК РФ не представляет собой всеобъемлющего акта, который отличался бы логической завершенностью, с тем, чтобы достаточно полно охватить все сферы деятельности уголовного судопроизводства.

В УПК имеются как внутрисистемные, так и межсистемные противоречия, а также пробелы, которые разрешаются с помощью различных способов, средств и форм, среди которых первостепенное значение отводится толкованию уголовно-процессуального закона, направленному на уяснение его содержания и установление выраженной в нем воли законодателя.

И больше того, «анализ правоприменительной деятельности показывает, что толкование закона нередко выступает в виде специального способа разрешения коллизий уголов-

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 210–211.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 162.

⁴ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1873. Т.1 С.76.

⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 163–164.

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 165.

⁷ Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 4.

но-правового регулирования, ... для преодоления конкуренции норм как частного случая коллизии»⁸.

Так, разрешение противоречий, связанных с конкуренцией уголовно-процессуальных норм, длительное время было привилегией аутентического толкования (разъяснение закона, исходящее от законодательной власти), осуществляемого лишь тем органом, который издал данный акт. В тот период право принятия законодательных актов и их толкования вменялось Верховному Совету Российской Федерации в соответствии п. 8 ст. 109 Конституции Российской Федерации 1977 г.

С принятием в 1993 г. новой Конституции Российской Федерации право толкования уголовно-процессуального закона перешло к Пленуму Верховного Суда Российской Федерации с предоставлением ему полномочий интерпретировать объективный смысл уголовно-процессуальных норм по вопросам судебной практики (доктринарное толкование). Это означает, что никакой иной орган государственной власти в Российской Федерации не может давать официального толкования УПК РФ, за исключением Пленума Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации.

В то же время, как справедливо отмечал профессор А.Д. Градовский, судебное толкование направлено не столько на прояснение неясности или неточности закона, сколько на необходимости правильного его применения, поскольку лишение права судебного толкования – это лишение судебной возможности применения закона⁹.

Действительно, Конституционному Суду Российской Федерации предоставлено право оценивать конституционность того или иного закона, в том числе и конституционность отдельных норм уголовно-процессуального закона.

«Потребность в разъяснении положений Конституции Российской Федерации обуславливается возникновением неодинакового понимания конституционной нормы из-за ее недостаточной определенности и полноты, внутренней противоречивости, неточности используемой в ней терминологии и т.п., что может привести и порой приводит к неадекватности реализации этой нормы в процессе правотворчества или правоприменения»¹⁰.

⁸ Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 303–304.

⁹ См.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1873. Т.1 С. 75.

¹⁰ Лазарев Л.В. Судебная власть // Комментарий к Конституции Российской Федерации/ Под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 507–508.

Признавая первостепенность и необходимость процесса толкования правовых норм в уголовном судопроизводстве, подчеркнем, что это сложный процесс, определяющий установление точного смысла, содержащегося в норме права, предписания и опубликования. Содержание его составляют два основных направления. Первое касается уяснения выступающего в качестве внутреннего мыслительного процесса, направленного на познание права. Оно представлено толкующим субъектом, который сначала уясняет содержание правовой нормы для себя, определяет направление своей деятельности, а затем в целях однообразного понимания и применения нормы разъясняет смысл и содержание предписания заинтересованным субъектам. Поэтому вторым направлением толкования права можно определить разъяснение, которое объективирует результаты уяснения, являясь продолжением этой части мыслительной деятельности.

Вместе с тем, объективизация, связанная с разъяснительной деятельностью, находит свое выражение в письменной форме в виде официального акта, документа, правового акта либо в устной форме, в виде совета или рекомендации.

По мнению А.В. Осипова, необходимость толкования права вызвана следующими причинами: 1) оказание помощи в интерпретации смысла, значения и логической связи нормы права; 2) объяснение терминов и используемых законодателем юридических конструкций при изложении государственной воли, содержащейся в нормах права; 3) несовершенство и неадекватное использование законодательной техники; 4) отсутствие ясного, точного, понятного языка нормативного акта, то есть наличие двусмысленных и расплывчатых формулировок¹¹.

Заметим, что разъяснение смысла норм уголовно-процессуального закона направлено на единообразное применение его компетентными органами и должностными лицами в сфере уголовного судопроизводства. В то же время разъяснения высших судебных инстанций в большей степени незаменимы в случаях необходимости преодоления конкуренции уголовно-процессуальных норм путем закрепления в них конкретных коллизионных правил.

Несомненным достоинством такого подхода в урегулировании коллизионных вопросов являются обобщение судебной практики с учетом судебных решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом делам.

¹¹ См.: Осипов А.В. Толкование права. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С.441–442.

В юридической литературе существует мнение, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, могут выступать как судебные прецеденты, в основе которых лежит буквальное толкование уголовного закона, облачаемое в форму решений по конкретным уголовным делам, которые следует признать источником уголовного права¹².

С этим трудно согласиться (что подтверждают и многочисленные примеры из судебной практики различных судебных инстанций), поскольку нижестоящие суды никогда не ссылаются в своих решениях на определения и постановления Верховного Суда Российской Федерации, а потому не рассматривают и не принимают их в качестве прецедентов.

Однако разъяснения высших судебных инстанций по вопросам судебной практики также не могут претендовать на роль источника уголовно-процессуального права, поскольку не являются руководящими и обязательными указаниями для судей, что ранее было предусмотрено ст. 56 Закона «О судостроительстве РСФСР»¹³.

Таким образом, назначение Пленума Верховного Суда, который является коллегиальным органом, состоит в том, чтобы направлять судебную практику для обеспечения ее точного соответствия закону. В связи с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс содержит формулировки, вызывающие неоднозначное толкование, это, по нашему мнению, оправдывает основное полномочие Пленума Верховного Суда – давать судам разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении ими уголовных дел.

Показательными в этом смысле можно назвать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В данном Постановлении в связи с противоречиями, возникшими в судебной практике по применению уголовно-процессуальных норм, Пленумом даны разъяснения о порядке их разрешения. Толкования коснулись вопросов, связанных с определением доказательств по уголовному делу, и признанных недопустимыми, а также об участии в уголовном судопроизводстве защитника. Разъяснены и положения, связанные с избранием такой меры пресечения, как заключение под стражу, при этом даны следующие уточнения: об установлении обстоятельств, свиде-

тельствующих о необходимости ее избрания; о сроках содержания под стражей; новом порядке обжалования данной меры пресечения; разъяснено такое словосочетание, как «иные обстоятельства», в связи с применением ч. 13 ст. 109 УПК. Одновременно дано растолкование таких понятий, как «перечень доказательств, подтверждающих обвинение»; «перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты»; «нарушения требований уголовно-процессуального закона»¹⁴.

Кроме того, на Верховный Суд Российской Федерации возложена и функция обеспечения единообразия в судебной практике. Этого можно достигнуть лишь при вынесении принципиальных решений по наиболее сложным делам, требующим авторитетного толкования со стороны Пленума Верховного Суда, публикуемого в Бюллетене Верховного Суда, и доведения до сведения нижестоящих судов.

Важно отметить, что эти постановления имеют лишь разъяснительный и рекомендательный характер, что жестко не связывает суд при вынесении аналогичных или сходных дел, поскольку каждое из них имеет свою специфику¹⁵.

Рассуждая о роли толкования в разрешении межнормативных противоречий, отметим, что толкование уголовно-процессуального закона и его норм требует точного учета дословного текста толкуемого положения, истории его возникновения, места в системе уголовно-процессуального права, его смысла и назначения. В то же время объективный смысл уголовно-процессуального закона не должен рассматриваться как нечто неизменное и неподвижное. В процессе совершенствования уголовно-процессуального права УПК может меняться под влиянием объективных обстоятельств.

При этом видение интерпретатором нормы закона может не совпадать с представлениями (объективного смысла этой нормы) законодателя. По справедливому замечанию Т. Маунца, «...толкователь, смотря по обстоятельствам, может понимать Закон лучше, чем понимали его авторы самого текста»¹⁶.

Как верно было замечено И.Я. Фойницким, толкование может производиться по точному разуму и по общему смыслу, что необходимо при неполноте, неясности или противоречии

¹² См.: Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. №1. С. 11; Яценко Б.В. Указ. соч. С. 309.

¹³ См.: Ведомости Верховного Суда РСФСР. 1981. №28. ст. 976.

¹⁴ Постановление № 1. Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 5 марта 2004 г. // Российская газета. 2004. 6 марта.

¹⁵ См.: Лазарев Л.В. Указ соч. С. 511.

¹⁶ Маунц Т. Государственное право Германии. М., 1959. С. 108.

норм закона, причем толкование по точному разуму производится в том случае, когда нет в понимании нормы существенных сомнений, и толкование по общему смыслу свойственно при наличии сомнений относительно действительного значения и объема содержащихся в законодательстве правил¹⁷.

Толкование правовых норм предполагает выяснение такого смысла правовой нормы, который имел в виду законодатель, а поскольку свое представление о праве законодатель излагает с помощью языка, то словесное выражение его представления о праве в конкретной норме (как было отмечено ранее) может не совпадать с действительным ее содержанием.

Обращает на себя внимание тот факт, что толкование уголовно-процессуального закона, как и другого нормативного акта, рассчитано на связь с конечным результатом уяснения нормы. В этом смысле толкование можно подразделить на буквальное, расширительное и ограничительное.

Наиболее приемлемым толкованием правовой нормы является буквальное вид толкования, в котором совпадают действительный смысл нормы и его словесное выражение (совпадают «дух» и «буква» закона).

В то же время, в силу объективных и субъективных причин смысл нормы права и словесное ее выражение могут иметь различие. В этом случае в качестве исключения могут применяться расширительное или ограничительное толкование.

При расширительном толковании словесное выражение правовой нормы намного уже, чем действительный смысл ее содержания. Так, в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ определено, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». Однако под словом «закон» следует понимать не только акты высших органов власти, но и все нормативно-правовые акты. Такой же расширительный смысл заложен законодателем в ст. 227–291, части третьей УПК «Судебное производство», где слово «суд» следует буквально понимать как любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК (п. 48 ст. 5 УПК). Вместе с тем и слово «прокурор» имеет расширительное толкование, поскольку в буквальном смысле под ним следует понимать Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и

наделенных соответствующими полномочиями Федеральным законом о прокуратуре (п. 31 ст. 5 УПК).

В качестве расширительного толкования в нормах УПК используются термины, имеющие неоднозначный либо, как минимум, двойной смысл. В построении расширительного толкования используются такие обороты, как: «незамедлительно» (ч. 2 ст. 112, ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 185 УПК), «в исключительных случаях» (ч. 5 ст. 162, ч. 5 ст. 165 УПК), «без уважительных причин» (ч. 1 ст. 188, ч. 3 ст. 217 УПК), «в разумные сроки», «по уважительной причине» (ч. 1 ст. 357 УПК), а также «иное лицо», «иное решение», «иное наказание», «иные правила», «иные полномочия», «иные процессуальные действия», «иные средства и способы защиты», «иные участники», «иные документы», «иные доказательства», «иные меры», «иные ценности», «иные предметы», «иные уголовные дела», «иные расходы», «иные сведения», «иные переговоры», «иные образцы для сравнительного исследования», «иные заявления», «иные основания», «иные особенности личности», «иные сообщения», «иные судебные действия», «иные определения», «иные данные о личности», «иные вопросы», «иные права», «иные новые обстоятельства», которые имеют двусмысленность содержания.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в построении расширительного толкования использовались такие термины, как «немедленно» ст. 250, 398, 576, 957, 1035, 1023 УУС, «безотлагательно» ст. 275, 290, 508, 548 УУС и другие.

Примером расширительного толкования служит ч. 2 ст. 49 УПК, в соответствии с которой в качестве защитников допускаются адвокаты, а также один из близких родственников обвиняемого или иное лицо. Возникает вопрос: какое лицо, кроме адвоката и родственника, может быть допущено в качестве защитника?

По смыслу нормы «иным лицом» может быть не родственник и не специалист в области права. В данном случае это будет лицо, которое чрезвычайно заинтересовано в определенном исходе уголовного дела, но, в то же время, не способно оказать квалифицированную юридическую помощь. Эта ситуация, санкционированная ч. 2 ст. 49 УПК, противоречит ч. 1 ст. 5 и ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, в которых определено, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, причем помощи не любого лица по чьему бы то ни было усмотрению, а именно помощи адвоката (защитника).

Одни авторы говорят о неизбежности расширительного толкования, поскольку «действующее право не совсем то (или совсем не то),

¹⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. Т.1. С. 171–177.

которое изложено в текстах нормативных актов. Отсюда различие (противопоставление) «духа и буквы закона», требующее особых приемов толкования...»¹⁸.

Другие поддерживают точку зрения ограничения права для высших судебных инстанций на расширительное толкование уголовно-процессуального закона¹⁹.

Лишение права высших судебных инстанций на расширительное толкование уголовно-процессуального закона не способствует установлению такого порядка, при котором уголовное судопроизводство гарантирует преодоление коллизий уголовно-процессуальных норм и актов толкования.

Для разрешения противоречий в уголовном судопроизводстве существует также ограничительное толкование в случаях, когда словесное выражение нормы шире содержательного его смысла.

Например, «обстоятельства, исключаящие участие в производстве по уголовному делу защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика», относятся не к одному лишь из указанных лиц, и не к любому участнику процесса, а касаются только конкретных лиц: защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика (ст. 72 УПК).

Следует отметить особенности интерпретационных актов в устранении противоречий уголовного судопроизводства: они имеют разъ-

яснительное значение компетентного органа; обеспечиваются средствами юридической защиты и мерами юридического воздействия; имеют индивидуально-конкретные юридические разъяснения; могут носить властный и обязательный характер; могут вызывать определенные юридические последствия.

Профессор И.Я. Фойницкий предостерегал от опасности смешения функций законодательной, исполнительной и судебной власти, в том числе, и в вопросах законодательной инициативы, и толкования норм закона.

В то же время суд, выступающий (по своему содержанию) правоприменительным органом, призванный рассматривать споры сторон, может иметь право лишь необязательного толкования нормативно-правовых актов (поскольку правотворческая деятельность не свойственна суду) и то лишь в отношении конкретного дела, тогда как правом обязательного толкования может быть наделен орган, принявший нормативно-правовой акт.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что опыт, накопленный дореволюционными юристами-процессуалистами и успешно использованный при подготовке Устава уголовного судопроизводства 1864 года, продолжает служить России в деле совершенствования уголовно-процессуального законодательства, толкование которого может быть успешным лишь при условии, что оно соответствует его назначению.

Библиография

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. – 464 с.
2. Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – 416 с.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб, 1873. Т.1 – 390 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации/Под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996.
5. Лейст О.Э. Три концепции права//Советское государство и право. 1991. № 12. С. 4.
6. Маунц Т. Государственное право Германии. М., 1959.
7. Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права//Российская юстиция. 1994. №1.
8. Осипов А.В. Толкование права. Теория государства и права/Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. – 672 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. Т.1. – 552 с.
10. Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: Дисс. .... д-ра юрид. наук. М., 1997. – 470 с.

References

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. M., 1939. – 464 s.

¹⁸ Лейст О.Э. Три концепции права//Советское государство и право. 1991. № 12. С. 4.

¹⁹ См.: Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 85.

2. Belonosov V.O. Problemy tolkovaniya norm ugovolno-protsessual'nogo prava: monografiya. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006. – 416 s.
3. Gradovskii A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. SPb, 1873. T.1–390 s.
4. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii/Pod obshch. red. Yu.V. Kudryavtseva. M., 1996.
5. Leist O.E. Tri kontseptsii prava//Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 12. S. 4.
6. Maunts T. Gosudarstvennoe pravo Germanii. M., 1959.
7. Naumov A. Sudebnyi pretsedent kak istochnik ugovolnogo prava//Rossiiskaya yustitsiya. 1994. №1.
8. Osipov A.V. Tolkovanie prava.Teoriya gosudarstva i prava/Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. M., 1997. – 672 s.
9. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. SPb, 1996. T.1. – 552 s.
10. Yatselenko B.V. Protivorechiya ugovolno-pravovogo regulirovaniya: Diss. .... d-ra yurid. nauk. M., 1997. – 470 s.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.